

— Что ты делаешь?

Ху Шень обвёл взглядом догорающий костёр, проследил в воздухе дымные завитки благовонных палочек и остановился на юноше. Тот казался измотанным, кровь запеклась в ложбинке над верхней губой, а лоб покрылся кристаллами холодного пота.

Веньян вздохнул. Голова раскалывалась и тяжелела, словно налитая свинцом. Он не был настроен на серьёзный разговор, но игнорировать мастера было недопустимо. В конце-концов, он хорошо его воспитал.

— Помогаю людям.

Ху Шень ожидал такого ответа, уверенного, не терпящего никаких сомнений. Веньян был хорошим, очень способным учеником, но до зубовного скрежета своенравным и упрямым. Не распорядись судьба таким образом, что он был вынужден прозябать в этом богами забытом месте, он стал бы великим заклинателем ещё в подростковом возрасте.

— Ты про этих...людей? — Почти устало вздохнул Ху Шень, небрежно кивнув в сторону потрескивающих углей. Остатки мешочков цянькунь медленно дотлевали, черняя оборванными краями. — Веньян, сколько раз...

Но Веньян не был намерен продолжать разговор, случавшийся уже бессчётное количество раз. Он резко встал, слегка покачнувшись, и посмотрел так сурово, что даже у неоспоримого мастера тёмных искусств похолодело внутри.

— Имеет ли значение, живой или мёртвый? Человек всегда остаётся человеком.

И он ушёл, взметнув лапами белых одежд.

Их хижина, оберегаемая от холодных северных ветров чёрными горными сводами, была простой. Сколоченная из дерева, она не могла называться надёжной — то крыша прохудится, то досчатый пол сгниёт от сырости. Но как бы то ни было, только сюда Веньян мог вернуться, только это, замершее во времени и пространстве, место мог называть своим домом. Изначально, построенная Ху Шенем, она состояла всего из одной комнаты. С появлением Веньяна и необходимостью снова латать полуразрушенные доски, её удалось почти полностью перестроить, добавив ещё одно, совсем небольшое помещение.

Жили они скромно. Земли вокруг горы окутывала древняя тёмная энергия, но они, отнюдь, не были прокляты, как любили поговаривать люди. В редких водоёмах водилась рыба, встречались дикорастущие плодовые деревья, а почву, с трудом, но можно было возделывать. Веньян вырос в этих местах, засыпая под тоскливые завывания ветра и несчастных заблудших душ, слетавшихся сюда со всех уголков страны. Вскормленный тьмой, воспитанный заклинателем, именем которого родители пугали непослушных детей, он рано понял, что ему не найти места во внешнем мире. Ху Шень, заменивший ему и отца и мать, долгие годы был единственным

источником живого общения. Но живя в объятиях тёмной энергии, дыша и питаясь ей, она забралась в самую его суть, разлилась по венам, расцвела в груди, колючим плющом обвив сердце и разум. И тогда Веньян услышал мёртвых.

Впервые это произошло, когда ему было около десяти. Ху Шень, снарядив его самодельной удочкой из гибкой ивовой ветви, отправил Веньяна наловить рыбу к ужину. Стояла поздняя тёплая весна, и ребёнок радостно направился к ближайшей горной речушке. Веньян умел рыбачить и всегда старался быть аккуратным, но яркое солнце, игриво сверкая лучами, вдруг ослепило и он поскользнулся на гладких острых камнях. Слёзы обиды и боли брызнули из глаз, и он одиноко приютился под кривеньким яблоневым деревом, утирая мокрым рукавом кровь с разбитых коленок. Бросая сердитые взгляды то на речку, то на брошенную удочку, он вдруг заметил нечто необычное.

За свою, на тот момент, недолгую жизнь, Веньян ещё ни разу не встречал призраков и, конечно, не сразу понял, что происходит. К нему приближалась молодая девушка. Веньян застыл в изумлении, ведь Ху Шень всегда говорил, что на многие ли здесь не было никого, кроме них двоих. Но начальная радость от встречи с новым человеком быстро сменилась удушающим страхом. Разглядев девушку получше, Веньян заметил, что ноги её не касались земли, а шагала она, скорее, по привычке; на платье жуткими бурыми кляксами цвели пятна крови; тёмные волосы спутались и торчали в разные стороны, спадая на худое, измождённое лицо с тонкими губами и запавшими глазами. Мутная дымка, окутавшая её, делала силуэт размытым; а от смертельного холода, следовавшего за ней, замерзли первые несмелые ростки весенней травы. Ху Шень рассказывал, что это место влечёт к себе неупокоенные души, и Веньян думал, что не боится. В конце-концов, он каждую ночь слышал их вой и стенания. Но одно дело — знать, видеть — совсем другое. Ужас сковал его так сильно, что волосы на затылке встали дыбом. Не смея пошевелиться, он замер, зажмурившись до боли в глазах, надеясь, что открыв их, он снова останется один.

Лёгкий холод удивительно ласково зацепил щеки, ущипнул за кончик носа и юрко скользнул к разбитым коленям. Веньян распахнул глаза, мелко дрожа от страха. Призрачная девушка сидела перед ним, поднеся тонкие пальцы к ранам. В её мутных глазах не было злобы, лишь необъятная грусть. Она не могла ни дотронуться по-настоящему, ни заговорить, ни даже заплакать. Коленки перестали кровоточить, отступила и боль, медленно ослабляя и пути детского страха. Веньян, набравшись смелости, наивно попытался коснуться её полупрозрачной руки в жесте благодарности, но ощутил лишь морозное покалывание на кончиках пальцев.

Веньян был очень одиноким ребёнком. Каждую ночь перед сном он придумывал себе друзей. Воображал игры с другими детьми. Ху Шень никогда не рассказывал, что стало с его настоящими родителями и как он вообще оказался здесь, лишь говорил, что придёт время — он расскажет Веньяну всё, что тот захочет узнать, но терпение — благодетель. Не зная родителей, Веньян представлял их — каждую ночь разные — благородные заклинатели, простолюдины, бродячие торговцы и уличные артисты. Он не знал, откуда пришёл в этот мир, и потому весь мир принадлежал ему. Его душа была слишком открыта и так жаждала общения, что смогла найти его в самом необычном источнике. Мёртвые не могли говорить, но у них было так много историй.

Девушка с тоскливой надеждой смотрела прямо в детские глаза, и Веньян вдруг так сильно

захотел её понять, что мир вокруг закружился, завихрился туманной дымкой и раздался крик. Мёртвые не могли говорить с живыми, но могли передать собственные воспоминания человеку, чья душа была достаточно открыта и отзывчива, чтобы принять их. Так Веньян узнал, что при жизни девушка была служанкой в богатом доме. Господин относился к ней плохо и не считал зазорным часто поднимать руку. Но жена господина не могла подарить ему наследника, и тогда он задумал решить эту проблему с помощью самой хорошенькой из служанок. Несчастливая умерла при родах, и душа её оказалась в окрестностях горы Бейшан, но не могла окончательно покинуть этот мир. Она не успела даже взглянуть на собственное дитя и, терзаясь горем и неведением, обрекла себя на вечные страдания, не в силах пересечь магический барьер. Увидев Веньяна, одинокого ребёнка, плачущего от боли, всё её истерзанное существо устремилось к нему, страстно желая помочь.

Веньян так остро ощутил все чувства призрака, словно они были его собственными. Необъятная печаль и материнская любовь накрыли его штормовой волной так стремительно, что живот скрутило и дышать стало невыносимо трудно. Когда связь разорвалась так же резко, как началась, Веньян испугался пуще прежнего. Он закричал, подскочил на занемевшие ноги и бросился бежать, спотыкаясь и не различая дороги.

Он слышал мужской голос, окликающий его, но ноги сами несли его вперёд. Остановился он лишь тогда, когда перед глазами предстала выжженная пустошь. Веньян не знал этих мест и, суматошно озираясь, он осознал, что барьер бамбуковой рощи, за который Ху Шень строго-настрого запрещал выходить, остался позади. Там же остался и сам Ху Шень. Он стоял в окружении тонких бамбуковых стволов в своих простых серых одеждах, похожий на рассеивающийся дым от костра, и странная обречённость читалась в его глазах.

— Веньян... — мягко позвал он, опасаясь новой волны детской паники.

Но было поздно. Веньян расплакался, роняя горькие слёзы на иссушенную землю. Он не был в страхе или панике, он был в ужасе. Ху Шень, единственный человек, который был у него в этом мире, остался за чертой, которую никогда не сможет пересечь. Он не понимал, почему барьер пропустил его; не знал, сможет ли он вернуться и даже не имел ни сил, ни смелости проверить это. В тот миг Веньян остался совсем один в огромном незнакомом мире.

— Веньян, иди сюда.

Ху Шень говорил ласково, словно приручая дикого зверя. Веньян зажмурился и отчаянно затряс головой. Зачем было звать его, если невозможно попасть обратно?

— Барьер пропустит тебя. Просто иди.

И Веньян побежал. Мир вокруг снова завертелся и потемнел, когда он уткнулся лбом в грубые серые одежды и ощутил мозолистые ладони, взъерошившие его волосы.

Вспоминая тот день сейчас, лёжа на жёсткой циновке в обветшалой хижине, Веньян улыбается. В детстве тот день казался самым страшным в его жизни, сейчас же он кажется самым счастливым.

— Почему барьер пропускает меня? — Спросил он на следующее утро, когда все волнения немного стихли, оставив после себя чувство странного опустошения.

Ху Шень сидел на крыльце, выстругивая деревянный ученический меч. Глубокая складка между его бровей, выдавала странную нервозность и душевное смятение, но Веньян, в силу возраста, не мог придать этому значения.

— Ты вырос здесь, Веньян. Впитал в себя тёмную силу этих земель. Барьер перестал считать тебя чужаком и ты стал его частью.

У Веньяна не было причин не доверять Ху Шеню, но даже для него, ребёнка, слова эти звучали странно неубедительно. Возможно, дело было в его открытой душе, тонко чувствующей чужие сомнения, но, не ожидая от самого себя, он вдруг спросил:

— Но есть и другие причины?

Ху Шень сжал губы в напряжённую линию.

— Есть, — сказал он, — но...

Веньян закончил за него:

— Терпение — благодетель, знаю.

Ху Шень кивнул и вложил ему в руку деревянный клинок. Тот получился немного большим для ребёнка, но лёгким и удобным.

В тот день великий мастер тёмных искусств обзавёлся своим единственным учеником.

Веньян уважал Ху Шеня безмерно. Но, обучаясь искусству тёмного заклинательства, он слишком быстро понял, что уважение не значило слепое подчинение. Ху Шень учил подчинять тьму собственной воле, управлять ей, быть её генералом и кукловодом. Тёмные сущности, в его понимании, должны были служить своему хозяину. В понимании же Веньяна вообще не было никаких тёмных сущностей — лишь люди.

Веньян в одночасье перестал быть одиноким ребёнком. Призрачная девушка была с ним, когда он рыбачил, готовая снова прийти на помощь, если вдруг он опять упадёт. Призрачный охотник, растерзанный диким зверем, подсказывал, где собрать спелые ягоды и съедобные грибы. Призрачные бездомные дети, умершие от голода, пытались играть с ним в чудные игры. Во тьме, которую Ху Шень так стремился подчинить и обуздать, скрывалось так много его друзей. Ему не хотелось их подчинять. Ему так отчаянно хотелось помочь им всем также, как они помогали ему.

Но Ху Шень был слишком стар и слишком силён, чтобы менять свои убеждения. Веньян смотрел на него и искренне не понимал, почему же трагические ошибки прошлого совсем ничему его не научили. Ху Шень был хорошим учителем, но иногда ученик выбирает совсем другой путь. Веньяну потребовались многие годы, чтобы окончательно это осознать.

— Я благодарен за уроки, — однажды сказал он, — но тьма мне не враг и не слуга. Она мой старый друг.

К его удивлению, Ху Шень не был ни зол, ни разочарован.

— Не пожалей об этом, когда придёт время.

Веньян лишь пожал плечами.

— И ты ни о чём меня не спросишь?

Ху Шень посмотрел на своего повзрослевшего, превзошедшего его, ученика своими дымными глазами с поволокой старых тайн и личных потерь. Веньян снова пожал плечами.

— Если терпение — добродетель, то неведение — благо. Я только обрёл свой путь. Не уверен, что сейчас хочу знать больше.

Пройдёт ещё много лет прежде, чем Веньян, всё-таки, узнает правду, которую предпочёл бы никогда не знать.

«Его путь будет тернист...»

Подумал тогда Ху Шень.

«...но достоин настоящего Императора».

<http://bllate.org/book/14934/1323638>